

ГОГОЛЬ КАК ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Л. Н. БЕЛЕНЧУК

Статья посвящена воспитательным, просветительским идеям в творчестве великого русского писателя Н. В. Гоголя, дидактическому значению его произведений. В ней рассматриваются его статьи на педагогические темы, переписка («Выбранные места из переписки с друзьями»), а также важнейшие художественные произведения («Ревизор» и «Мертвые души»). Особое внимание уделяется духовной составляющей произведений классика, его текстам, принадлежащим одновременно светской и религиозно-учительной культуре.

Великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь, 200-летний юбилей которого мы отмечаем в этом году, был одним из крупнейших духовных писателей России. Только немногие современники сумели интуитивно понять призвание Гоголя как величайшего просветителя Отечества. Какую же задачу поставил перед нами этот замечательный художник слова? Какой наказ оставил?

Н. В. Гоголь не был чужд и педагогической деятельности. В 1833 г. он начал преподавать историю в Патриотическом институте Санкт-Петербурга, где обучались дочери военных. Увлечение историей Гоголя появляется у него из осознания ее огромного воспитательного значения. Издатель Плетнев, устроивший его на это место, «поверил Гоголю, что тот по призванию учитель, поверили этому и те, кому Плетнев рассказывал о его страсти к преподаванию, поверил в это, наконец, и сам Гоголь. Он стал даже подумывать, не есть ли преподавание и история его первое занятие, а все прочее — второе»¹. Стараниями А. С. Пушкина писатель был принят на кафедру Санкт-Петербургского университета, где стал читать курс по истории средних веков².

У Николая Васильевича вскоре появилась мысль преподавать историю в открытом в 1833 г. Киевском университете им. Святого Владимира, где уже преподавал его друг Максимович. «Туда, туда! в Киев! в древний, в прекрасный Киев! ...Я восхищаюсь заранее, когда воображу, как закипят труды мои в Киеве», — убеждает он Пушкина. Друзья активно хлопотали за новое место, но попечитель киевского учебного округа Бадке не согласился на кандидатуру Гоголя. Так закончилась педагогическая деятельность писателя, к которой он больше никогда не возвращался.

¹ Золотусский И. П. Гоголь. М., 1984. С. 145.

² Там же. С. 152.

От этого периода осталась заметка «О преподавании всеобщей истории» (1832–1833), где Гоголь предложил содержание и методы преподавания исторического курса. На 13 страницах он крупными мазками нарисовал всю историю человечества. «Все, что является в истории: народы, события — должны быть непременно живы и как бы находиться перед глазами слушателей или читателей, чтоб каждый народ, каждое государство сохраняли свой мир, свои краски, чтобы народ со всеми своими подвигами и влиянием на мир пронесился ярко, в таком же точно виде и костюме, в каком был он в минувшие времена»³.

Методы преподавания Гоголь описал так: «Слог профессора должен быть увлекательный, огненный. Он должен в высочайшей степени овладеть вниманием слушателей. Если хоть один из них может предаться во время лекции посторонним мыслям, то вся вина падает на профессора: он не умел быть так занимателен, чтобы покорить своей воле даже мысли слушателей. Нельзя вообразить, не испытавши, какое вредное влияние происходит от того, если слог профессора вял, сух и не имеет той живости, которая не дает мыслям ни на минуту рассыпаться. Тогда не спасет его самая ученость: его не будут слушать; тогда никакие истины не произведут на слушателей влияния, потому что их возраст есть возраст энтузиазма и сильных потрясений; тогда происходит то, что самые ложные мысли, слышимые ими стороною, но выраженные блестящим и привлекательным языком, мгновенно увлекут их и дадут им совершенно ложное направление. Тогда даже справедливые замечания возбуждают внутренний смех и желание действовать и умствовать наперекор; тогда самые священные слова в устах его, как-то: преданность к Религии и привязанность к Отечеству и государю, превращаются для них в мнения ничтожные. Какие из этого бывают ужасные следствия, это видим, к сожалению, нередко»⁴. Здесь важна мысль о том, как преподавание истории влияет на умонастроение и даже политические убеждения слушателей. Поэтому профессор ответственен не только за взращивание будущих ученых, но главное — за убеждения будущих граждан.

Настаивает Гоголь и на доступности читаемого. «Он (профессор. — Л. Б.) не должен довольствоваться тем, что его *некоторые* понимают; его должны понимать все. Чтобы делаться доступнее, он не должен быть скуп на сравнения. Как часто понятное еще более поясняется сравнением! И потому эти сравнения он должен всегда брать из предметов, самых знакомых слушателям. Тогда и идеальное, и отвлеченное становится понятным. Он не должен говорить слишком много, потому что этим утомляется внимание слушателей и потому что много-сложность и большое обилие предметов не дадут возможности удержать всего в мыслях. Каждая лекция профессора непременно должна иметь целость и казаться оконченною, чтоб в уме слушателей она представлялась стройною поэмою; чтобы они видели в начале, что она должна заключать в себе и что заключает: чрез это они сами в своем рассказе всегда будут соблюдать цель и целость. А это необходимее всего в истории, где ни одно событие не брошено без цели»⁵.

³ Гоголь Н. В. Собр. соч. : В 9 т. Т. 6. М., 1994. С. 259.

⁴ Там же. С. 260.

⁵ Там же. С. 261.

Н. В. Гоголь излагает учебный план, которому желательно следовать в преподавании исторического курса. Он основан на предметно-хронологическом принципе: сначала окидывается взглядом вся история человечества, затем — история отдельных цивилизаций: «...я должен обнять его (народ, государство. — Л. Б.) вдруг с начала до конца: как оно основалось, когда было в силе и блеске, когда и отчего пало (если только пало) и каким образом достигло того вида, в каком находится ныне; если же народ стерся с лица земли, то каким образом на место его образовался новый и что принял от прежнего, и в конце — история по отдельным столетиям, чтобы представить «великую лестницу веков. Эта лестница столетий есть лучшее средство к утверждению в памяти слушателей современности событий, лиц и явлений»⁶.

Воспитательное значение истории писатель определяет так: «...цель моя — образовать сердца юных слушателей той основательной опытностью, которую развертывает история, понимаемая в ее истинном величии; сделать их твердыми, мужественными в своих правилах, чтобы никакой легкомысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло поколебать их; сделать их кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великого Государя, чтобы ни в счастье, ни в несчастье не изменили они своему долгу, своей Вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными Отечеству и Государю»⁷. Из этого сочинения видно, как серьезно относился Гоголь к миссии педагога, какие высокие задачи перед ним ставил. Возможно, именно эта серьезность и высота задач и не дали ему с полной отдачей заниматься преподаванием, которого он считал себя не вполне достойным.

В небольшой заметке «Мысли о географии» Н. В. Гоголь высказывает замечание об ответственности педагога за обучение всяких детей, без различия их способностей. Мысль эта позже была развита В. В. Зеньковским, в его рассуждении о «средних, незаметных детях» (проблема «аморфных характеров» в работе «Принцип индивидуальности в психологии и педагогике», 1911). «Леность и непонятливость воспитанника, — писал Н. В. Гоголь, — обращаются в вину педагога и суть только вывески его собственного нерадения; он не умел, он не хотел овладеть вниманием своих юных слушателей; он заставил их с отвращением принимать горькие свои пилюли. Совершенной неспособности невозможно предполагать в дитяти. Мне часто случалось быть свидетелем, как ребенок, признанный за неспособного ни к чему, обиженного природою, — слушал с неразвлекаемым вниманием страшную сказку, и на лице его, почти бездушном, не оживляемом до того никаким чувством участия, попеременно прорывались черты беспокойства и боязни. Неужели нельзя задобрить такого внимания в пользу науки?»⁸ Преподавание по Гоголю — творческое дело, пробуждение индивидуальности у ученика, раскрытие его способностей.

После опубликования первого тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголь делает попытку прямого поучения граждан Отечества, опубликовав «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). С. А. Гончаров, автор книги «Творчество Н. В. Го-

⁶ Гоголь Н. В. Собр. соч. : В 9 т. Т. 6. С. 269.

⁷ Там же. С. 269–270.

⁸ Там же. С. 257.

голя и традиции учительной культуры» (СПб., 1992) замечает, что «Выбранные места...» — это идейный экстракт «Мертвых душ» и построен он по типу древнего учительного сборника⁹. Обратим внимание, что выстроены письма не по хронологии, а тематически, по внутренней логике. Автор предстает в них одновременно как ученик и как учитель. Книга также сходна с жанром исповеди-биографии («Стихи о самом себе» Григория Богослова, «Исповедь» бл. Августина, Житие протопопа Аввакума)¹⁰.

В эпоху секуляризации религиозно-учительная сфера стала действовать как сфера автономная и параллельная светской культуре. Однако она активно взаимодействовала со светской культурой и литературой Нового времени. Именно в этом ключе следует рассматривать творчество Н. В. Гоголя и особенно его «Выбранные места из переписки с друзьями». Некоторые исследователи отмечают, что своей проповедью «Гоголь принял на себя бремя священства». Это восходит к древнему пониманию священства традицией Тертуллиана, который писал: «разве не все мы священники»? Иоанн Златоуст соглашался с этим¹¹.

Такое обращение к читателю действительно было необычно для своего времени. Писатели избегали говорить с публикой иначе, чем посредством художественного слова. «Гоголь открыл для себя истину о религиозном смысле человеческой жизни и поверил в нее пламенно и всецело, — писал исследователь его творчества К. Н. Мочульский. — Необычность его поведения, столь поразившая современников, заключается единственно в том, что эту истину он стал проводить в жизнь... Но в эстетической и романтической атмосфере эпохи это религиозное ученье было неожиданно и странно, и слова Гоголя просто не доходили»¹². М. Гершензон в своем очерке о Гоголе писал: «Благодаря стараниям наших публицистов-историков в обществе укоренилось такое искаженное представление о «Переписке с друзьями», что даже у нас, где почти все прошлое общественной мысли обезображено в угоду политической тенденции, судьба этой книги остается беспримечательной»¹³. И действительно, современники обрушили на писателя поток критики. В чем только не упрекали писателя: один из известных тогдашних литераторов, Н. Ф. Павлов, в «Московских ведомостях» высказался в том смысле, что Гоголь не имел права писать такое сочинение — писал бы художественными образами, как всем привычно! Вот тогда бы «Выбранные места» читали с радостью («Три письма Гоголю»)¹⁴. С. А. Гончаров пишет: «лишь в последние 10 лет произошла реабилитация книги»¹⁵.

В «Выбранных местах...» Н. В. Гоголь ставит наболевшие вопросы просвещения своего времени: самосовершенствование человека, просвещение крестьянства, и, самое важное в его произведении, это сочетание, органическое воссоединение культуры и православия. В. В. Зеньковский писал: «Не в отры-

⁹ Гончаров С. А. Творчество Н. В. Гоголя и традиции учительной литературы. СПб., 1992. С. 131.

¹⁰ Там же. С. 143.

¹¹ Там же. С. 137.

¹² Мочульский К. Н. Духовный путь Гоголя. М., 2004. С. 57.

¹³ Гершензон М. О. Исторические записки о русском обществе. М., 1910.

¹⁴ Павлов Н. Ф. Сочинения. М., 1985.

¹⁵ Гончаров С. А. Указ. соч. С. 135.

ве от культуры обращается Гоголь к религии, но для того, чтобы найти в ней разрешение последних проблем культуры. ...На этом пути и приходит Гоголь к тому, чтобы связать всю культуру с Церковью, так Гоголь и ставит ныне тему идеологии, навсегда внося в русскую мысль идею «православной культуры»¹⁶. С В. В. Зеньковским солидарен его товарищ по эмиграции К. Н. Мочульский: «Гоголь мечтает о руководящей, объединяющей, просвещающей роли Церкви; европейской цивилизации, основанной на естественных науках и технике, он противопоставляет подлинное, духовное просвещение»¹⁷.

Известно, что «Выбранные места...» Н. В. Гоголь писал в глубоком душевном кризисе. Сам Гоголь признавался, что книга — плод долгих раздумий, однако ему, как он сам считал, не удалось выработать точного языка, которым надо обращаться к читателю с поучением. Действительно, отдельные места книги грешат морализаторством, зато другие поднимаются до небывалых высот слова. К. Н. Мочульский писал: «В нравственной области Гоголь был гениально одарен; ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии»¹⁸. Великий русский педагог К. Д. Ушинский в одном из своих писем так оценил реакцию прессы на «Выбранные места...»: «С каким озлоблением накинута вся русская журналистика на бедного Гоголя, когда он печатно высказал религиозные убеждения. Его обвиняли не в экзальтации, не в неприличии тона, в чем действительно можно было обвинить «Переписку с друзьями»; нет, его, своего прежнего кумира, обличителя общественных язв, обвинили во лжи, в продажности и, столкнув с подножия, на которое сами же его подняли, поставили чуть ли не наряду с заклеятыми общественным презрением торгашами литературы...»¹⁹. Таким образом, подчеркивает педагог, исповедание православия уже в середине XIX в. стало оцениваться как лицемерие и пресмыкательство перед властью.

Но самым страшным было то, что люди его близкого окружения (например, С. Т. Аксаков) сочли эту книгу либо «плодом сатанинской гордости», либо «бредом сумасшедшего». Н. В. Гоголь, может, несколько наивно, попытался улучшить общество проповедью и личным примером, считая это единственным средством преобразования России, в отличие, например, от В. Г. Белинского, признававшего исключительно внешние, государственные способы преобразования общества. Для Гоголя сознание определяет бытие. «Бог повелел, чтобы мы все учили друг друга». «Кто приобрел крупицу мудрости, тот не имеет права скрывать ее»²⁰. И. Золотусский обоснованно предполагает, что желание учить у Гоголя появилось не от гордости, а от радости — после исцеления от тяжелой болезни. «Он весь отдается гимну Тому, Кто его исцелил»²¹. Критик объясняет такое состояние Гоголя жадной любви, жадной очищения от зла. Но в поучениях своих писатель «терял нежность», поучения становились все строже и строже.

¹⁶ Гоголь Н. В. Размышление о Божественной литургии / Предисловие В. В. Зеньковского. М., 2006. С. 10.

¹⁷ Мочульский К. Н. Указ. соч. С. 89–90.

¹⁸ Там же. С. 76.

¹⁹ К. Д. Ушинский и русская школа. Беседы о великом педагоге. М., 1994. С. 70–71.

²⁰ Мочульский К. Н. Указ. соч. С. 82.

²¹ Золотусский И. П. Указ. соч. С. 352.

Это распространялось даже на письма к родным. «Прекрасные намерения и сознание обращения в новую веру не совпадают с поступками — он это понимает, он казнится этим, но гордость, гордость и увлеченность собою (и новой идеей в себе) заставляют его забывать о близких»²².

Каковы же основные идеи произведения, вызвавшего такие споры в обществе?

Во-первых, это идея самосовершенствования человека, учения его в течение всей жизни. «Для христианина нет оконченного курса; он вечно ученик и до самого гроба ученик. По обыкновенному, естественному ходу человек достигает полного развития ума своего в тридцать лет. От тридцати до сорока еще кое-как идут вперед его силы; дальше же этого срока в нем ничто не подвигается, и все им производимое не только не лучше прежнего, но даже слабее и холодней прежнего... Вспомни о Канте, который в последние годы обеспамятел вовсе и умер, как ребенок. Но пересмотри жизнь всех святых: ты увидишь, что они крепили в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти»²³. Совершенствование надо начинать с себя, считает писатель. Его письмо «Значение болезней» — это публичная исповедь, которая не имеет аналогов в русской литературе, писал К. Н. Мочульский.

О логическом мышлении: «Ум не есть высшая в нас способность. Его должность не больше, как полицейская: он может только привести в порядок и расставить по местам все то, что у нас уже есть... Он несравненно в большей зависимости находится от душевных состояний: как только забушует страсть, он уже вдруг поступает слепо и глупо; если же покойна душа и не кипит никакая страсть, он и сам проясняется и поступает умно. Разум есть несравненно высшая способность, но и она приобретает не иначе, как победой над страстями. Его имели в себе только те люди, которые не пренебрегли своим внутренним воспитанием. Но и разум не дает полной возможности человеку стремиться вперед. Есть высшая еще способность; имя ей — мудрость, и ее может дать нам один Христос. Она не наделяется никому из нас при рождении, никому из нас не есть природная, но есть дело высшей благодати небесной»²⁴.

Таким образом, по Гоголю, высшая цель просвещения — созвучие разума и веры, в противоположность «вялой и бабьей светской жизни, которую привили к нам, под именем просвещения, пустые и мелкие нововведения»²⁵. И определяет, что же в его понимании «просвещение»: «Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово «просвещение». Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке, оно только у нас. Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме... Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду ее окружавшие, и знает, зачем произносит»²⁶.

²² Золотуский И. П. Указ. соч. С. 357.

²³ Гоголь Н. В. Избранное. М., 1999. С. 331.

²⁴ Там же. С. 332.

²⁵ Там же. С. 339.

²⁶ Гоголь Н. В. Избранное. С. 343–344.

О крестьянской грамотности. Н. В. Гоголь отмечает, что само по себе обучение чтению крестьянину ничего не дает, что этого недостаточно. «Учить мужика грамоте затем, чтобы доставить ему возможность читать пустые книжонки, которые издают для народа европейские человеколюбцы, есть действительно вздор. Главное уже то, что у мужика нет вовсе для этого времени. ...Если в ком истинно уже зародится охота к грамоте, и притом вовсе не затем, чтобы сделаться плутом-конторщиком, но затем, чтобы прочесть те книги, в которых начертан Божий закон человеку, — тогда другое дело. Воспитай его как сына и на него одного употреби все, что употребил бы ты на всю школу. Народ наш не глуп, что бежит, как от черта, от всякой письменной бумаги»²⁷.

Позицию Гоголя в своей работе «Русское крепостничество» (1852) поясняет А. И. Герцен: «Что же удивительного в том, что императоры подчинили своей России — России придворных и чиновников, французских мод и немецких манер — другую Россию, бородатую, неотесанную, варварскую, мужицкую, не способную оценить привозное образование, которое снизошло на нее царской милостью и к которому невежественный крестьянин питал нескрываемое и неподдельное отвращение»²⁸. Именно против такого образования протестовал Н. В. Гоголь, чего не смог верно оценить В. Г. Белинский, который в письме, опубликованном в «Современнике», грубо и резко критикует именно это положение Гоголя, не дав себе труда понять, в чем оно состоит. А каким непониманием и духовной глухотой звучат такие слова Белинского: «Времена наивного благочестия давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимает, что молиться везде все равно, что в Иерусалиме ищут Христа только люди, или никогда не носившие его в груди своей, или потерявшие его»²⁹. В. Г. Белинский попрекал Гоголя в корысти и лицемерии, предполагая, что автор «Выбранных мест» для того и написал свое сочинение, что метил в наставники к сыну наследника престола.

В эпилоге, созданном уже после получения возмущенных откликов просвещенного общества на свое сочинение, Н. В. Гоголь пытался ответить своим оппонентам. «Меня изумило, — пишет он, — когда люди умные стали делать придирки к словам совершенно ясным и, остановившись над двумя-тремя местами, стали выводить заключения, совершенно противоположные духу всего сочинения. Из двух-трех слов, сказанных такому помещику, у которого все крестьяне земледельцы, озабоченные круглый год работой, вывести заключение, что я воюю против просвещения народного, — это показалось мне очень странно, тем более, что я полжизни думал сам о том, что как бы написать истинно полезную книгу для простого народа, и остановился, почувствовав, что нужно быть очень умну для того, чтобы знать, что прежде нужно подать народу. А покуда нет таких умных книг, мне казалось, что слово устное пастырей нашей Церкви полезней и нужней для мужика всего того, что может сказать ему наш брат писатель. Сколько я себя ни помню, я всегда стоял за просвещение народное, но **мне казалось, что еще прежде, чем просвещение самого народа, полезней просве-**

²⁷ Гоголь Н. В. Избранное. С. 118.

²⁸ Герцен А. И. Собр. соч. : В 30 т. Т. 12. М., 1957. С. 55.

²⁹ Белинский В. Г. Собр. соч. : В 3 т. Т. 3. М., 1948. С. 713.

щение тех, которые имеют ближайшие столкновения с народом, от которых часто терпит народ (выделено мною. — Л. Б.). Мне казалось, наконец, гораздо больше требовавшим внимания к себе не сословие земледельцев, которое занимает разные мелкие места, и, не имея никакой нравственности, несмотря на небольшую грамотность, вредит всем затем, чтобы жить на счет бедных. Для этого-то сословия мне казались наиболее необходимыми книги умных писателей, которые, почувствовавши сами их долг, умели бы им их объяснить. А землепашец мне всегда казался нравственнее всех других и менее нуждающимся в наставлениях писателя»³⁰.

Н. В. Гоголь и его критики (прежде всего В. Г. Белинский) говорят о разных вещах: Гоголь — о просвещении, а его оппоненты — об умении читать и писать, которое, по мнению писателя, не всегда приводит к хорошим результатам, а равно может служить как добру, так и злу.

Но не все современники негативно оценивали воспитательную миссию Н. В. Гоголя. Его очень любил архимандрит Федор (Александр Михайлович Бухарев, 1824—1871), который причислял писателя к сонму пророков-обличителей наподобие Иеремии, плакавшем о людских грехах. У него, так же как и у Н. Ф. Павлова, есть сочинение «Три письма Гоголю». Но эти письма писал не обличитель, целью которого было «просветить» московскую и провинциальную публику, еще пытавшуюся понять Гоголя, а сочувствующий писателю человек. Читатели Гоголя — духовные лица легко ощущали трансцендентный смысл его произведений. Но это было почти недоступно светской публике.

Еще менее было понято современниками нравственно-воспитательное значение «Ревизора» и «Мертвых душ», двух самых значительных произведений Н. В. Гоголя. Начиная со II половины 30-х гг. XIX в. гоголевское видение человека тяготеет к религиозно-учительной традиции, опираясь на понятия «внешнего» и «внутреннего» человека. Эффект темных мест, «загадок» (история «Носа», «Портрета», «Мертвых душ») делают необходимым их толкование.

Начнем со знаменитого эпиграфа к «Ревизору». Разгадку «зеркала», на которое «неча пенять», дает нам духовная литература. В знаменитом творении свт. Тихона Задонского «Сокровище духовное, от мира собираемое» есть три главы о зеркале: одна из них — «Зеркало пороки на лице показывает». В ней читаем: «Что пороки на лице, тое грехи на душе. Что зеркало лицу и порокам, тое есть обличительное слово душе и грехам. ... Тако два свидетеля и обличителя душе человеческой положил Бог: вне — Закон Свой; внутри души — совесть. Оба сии свидетеля верно и согласно свидетельствуют и обличают нас»³¹. Уже в эпиграфе, таким образом, автор подводит нас к вопросу — что есть «ревизор» для нашей души?

При постановке своей знаменитой пьесы Гоголь более всего боялся окарикатуривания своих персонажей. Именно поэтому после премьеры «Ревизора», реакцией на которую писатель, как известно, был недоволен, появились на свет целых три новых произведения: «Театральный разъезд после представления новой комедии» (К. Н. Мочульский назвал ее «апологией комедии как **орудия**

³⁰ Гоголь Н. В. Избранное. С. 222.

³¹ Святитель Тихон Задонский. Сокровище духовное, от мира собираемое. М., 2003. С. 842.

общественного воспитания»³², «Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора» и «Развязка «Ревизора».

Писатель хотел, чтобы зритель почувствовал, что описанный им город существует в определенной степени в любом городе России, а качества и пороки его обитателей — в каждом из людей. В «Развязке «Ревизора» главный персонаж говорит: «Ну а что, если это наш же душевный город и сидит он у всякого из нас? Нет, взглянем на себя не глазами светского человека, — ведь не светский человек произнесет над нами суд, — взглянем хоть сколько-нибудь на себя глазами Того, Кто позовет на очную ставку всех людей, перед которыми и наилучшие из нас, не позабудьте этого, потупят от стыда в землю глаза свои, да и посмотрим, достанет ли у кого-нибудь из нас тогда духу спросить: да разве у меня рожа крива?»³³ Не случайно эта метафора (душа человека как город) перекликается с образом Иоанна Златоуста в одном из поучений: «Считай себя царем, имеющим подчиненный себе город — душу ребенка, ибо душа действительно город. И подобно тому, как в городе одни воруют, а другие ведут себя честно, одни трудятся, а другие занимаются тем, что попадается под руку, так же ведут себя в душе рассудок и помыслы: одни сражаются против преступников, как в городе воины, другие заботятся обо всем, что относится к телу и к дому, как граждане в городах, третьи же отдают приказания, как городские власти. ...Итак, установи законы этому городу, законы суровые и строгие к его гражданам, и защищай их от нарушений: ибо нет пользы в законе, если не следует за ним и наказание»³⁴.

«Развязка «Ревизора» не оставляет никаких двусмысленностей для толкований финальной сцены пьесы. «...страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба — говорит главный герой. — Лучше же сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, в начале жизни, а не в конце ее. На место пустых разглагольствований о себе и похвальбы собой да побывать теперь же в безобразном душевном нашем городе, который в несколько раз хуже всякого другого города, — в котором бесчинствуют наши страсти, как безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей!»³⁵

Отвечая же на вопросы, почему в пьесе собраны все человеческие недостатки, а нет достоинств, писатель замечал: «Если выставишь всю дрянь, какая ни есть в человеке, и выставишь ее таким образом, что всякий из зрителей получит к ней полное отвращение, спрашиваю: разве это уже не похвала всему хорошему? Спрашиваю: разве это не похвала добру?»³⁶ Если так понимать пьесу Гоголя, то «Выбранные места...» покажутся не чем-то принципиально новым, как они были восприняты обществом, но продолжением и развитием мыслей «Ревизора». Видный русский литературовед и историк, А. Н. Пыпин, почувствовал это и в своем знаменитом труде «Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов» написал, что хотя Гоголь и дал «могущественную опору западнечес-

³² Мочульский К. Н. Указ. соч. С. 65.

³³ Гоголь Н. В. Собр. соч. : В 9 т. Т. 4. С. 458.

³⁴ Поучение «О тщеславии»//Западноевропейская средневековая школа и педагогическая мысль. Вып. 1. Ч. 2. М., 1990. С. 115–139.

³⁵ Гоголь Н. В. Собр. соч. : В 9 т. Т. 4. С. 463.

³⁶ Там же. С. 458.

кому направлению», но произошло это не по его воле, и «в письмах 20–30-х годов были уже заложены мысли «Переписки». В различные периоды выступали на первый план разные качества его ума и таланта, «но сущность его убеждений всегда была одна и та же»³⁷. Находясь в противоположном по своему мировоззрению лагере, А. Н. Пыпин, оправдывая писателя, пишет, что он не кривил душой, что «в убеждении Гоголя постоянно господствовало одно воззрение, оно приняло критическое развитие в последние годы, «дошло до фанатизма, но в сущности не изменилось»³⁸. Он стал понимать свое отношение к обществу несколько высокомерно, как отношение учителя нравственности, христианского моралиста...» Это представление мы встречаем у Гоголя еще в эпоху «Ревизора»³⁹. Интересны полемические возражения А. Н. Пыпина Н. В. Гоголю: «цель его (Гоголя. — Л. Б.) — побудить каждого к исправлению. Ему не приходило в голову, что от взяток можно исправиться предоставлением обществу самостоятельности, справедливого суда, достигнутого с помощью хороших судебных учреждений, для устройства крестьян надо освободить их от помещиков и т. д.»⁴⁰ Сейчас, с высоты прошедших лет, совершенно очевидна правота Гоголя: действительно, возможно ли с помощью судов и прочих учреждений перевоспитать общество?!

Но цель свою писатель не считал достигнутой. В известном письме В. А. Жуковскому от 10 января 1848 г. (которое автор предполагал включить во второе издание «Выбранных мест») Н. В. Гоголь с горечью писал: «Это было первое мое произведение, замышленное с целью **произвести доброе влияние** на общество, что, впрочем, не удалось: в комедии стали видеть **желанье осмеять узаконенный порядок вещей и правительственные формы**, тогда как у меня было намерение осмеять только самоуправное отступление некоторых лиц от форменного и узаконенного порядка. Представленье «Ревизора» произвело на меня тягостное впечатление. Я был сердит и на зрителей, меня не понявших, и на себя самого, бывшего виной тому, что меня не поняли. Мне хотелось убежать от всего. ...Уже давно занимала меня мысль большого сочиненья, в котором бы предстало все, что ни есть и хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами видней свойство нашей русской природы»⁴¹. Невозможно бороться с недостатками, не осознав их. Поэтому в сущности та же идея воспитания общества заключена и в «Мертвых душах». В XI главе романа автор писал о возможном размышлении своего читателя так: «А ведь должно согласиться, престранные и пресмешные люди в некоторых провинциях, да и подлецы притом немалые! А кто из вас, полный христианского смирения... углубит вовнутрь собственной души сей тяжкий запрос: «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» А как бы не так!»⁴² Замысел «Мертвых душ», как известно, полностью исполнен не был. Писатель задумал три части поэмы. 1-й том — показ печальных сторон русской действи-

³⁷ Пыпин А. С. Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов. СПб., 1906. С. 354.

³⁸ Там же. С. 356.

³⁹ Там же. С. 376.

⁴⁰ Там же. С. 386.

⁴¹ Гоголь Н. В. Собр. соч. : В 4 т. Т. 4. С. 267.

⁴² Там же. С. 200.

тельности и русского человека, «хождение по аду»; 2-й том — «хождение в преддверии рая» и 3-я часть (идеальное состояние России) — свидетельства о ней остались лишь в письмах и заметках автора и современников — преображение человека и жизни.

Самую главную загадку поэмы задает нам ее название. Профессор В. А. Воропаев, современный исследователь творчества Гоголя, отмечает, что у словосочетания «мертвые души» есть три смысла: первый, очевидный — это товар, который покупает Чичиков. Но умершие между ревизскими сказками (списками) души официально назывались не «мертвые», а «убылые», Гоголь знал это, и все же назвал свою поэму по-другому. Почему? Второй смысл — иносказательный. Мертвые души — это помещики, чиновники, сам Чичиков. Этот смысл был очевиден для первых читателей поэмы. Но есть в названии и третий смысл — духовный. Заглавие поэмы вне контекста духовного зрения бессмысленно: мертвых душ в природе не существует. У бл. Августина «О граде Божиим» есть глава «О смерти, которая душе приключится может, и о той, которой тело подвержено» (кн. XIII, гл. 2). В беседе на II послание ап. Павла к коринфянам Иоанн Златоуст говорит: «Если захочешь, я покажу тебе душу живую и мертвую». «Мертвая душа» означает душу без Евангельского света⁴³.

Смысл названия раскрыт и в предсмертной записи Гоголя: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк, прелазай иначе, есть тать и разбойник»⁴⁴. По Гоголю, души его героев вовсе не умерли. В них таится подлинная жизнь, а вместе с ней и надежда на возрождение. Поэтому главная идея «Мертвых душ» — идея духовного воскресения плотского, «мертвого» человека. Н. В. Гоголь показывает нам путь Чичикова, обычного, в общем, человека, превратившегося в ловкача и афериста; каким образом герой стал вором и плутом, мы узнаем из его биографии в XI главе («Эх, Павлуша! Вот как переменялся человек»). Но у Гоголя присутствует мысль, что и обратный путь возможен. Игорь Золотусский пишет, поясняя размышления Чичикова о судьбе умерших крепостных: «Остановившейся перед ожившей мечтой, он и себя не узнает, и в себе слышит какие-то странные чувства, и сам как будто просыпается, восстает из мертвых. ...Так поэма о плуте превращается в поэму о восстании из мертвых, в поэму, где разыгрывается сражение духа с материей, идеала с действительностью, высокой мечты Гоголя с низкой «существенностью». В «Мертвых душах» оно приобретает вселенский масштаб и вселенский смысл»⁴⁵.

В конце поэмы звучит самое значительное лирическое отступление, определенно рисуящее путь восстановления человека: «Но есть страсти, которых избрание не от человека. Уже родились они с ним в минуту рожденья его в свет, и не дано ему сил отклониться от них. Высшими начертаньями они ведутся, и есть в них что-то вечно зовущее, неумолкающее всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить им: все равно, в мрачном ли образе, или пронесшись светлым явлением, возрадующим мир — одинаково вызваны они для неведомого че-

⁴³ Гончаров С. А. Указ. соч. С. 84–88.

⁴⁴ Цит. по : Воропаев В. А. Гоголь над страницами духовных книг. М., 2002. С. 183–184.

⁴⁵ Золотусский И. П. Указ. соч. С. 362.

ловеком блага. И может быть, в сем же самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес»⁴⁶.

Перед созданием второго тома поэмы Гоголь делает длительную паузу. Он много читает (в основном духовную литературу), пишет «Выбранные места...», тогда как близкие торопят его с продолжением. «Еще одно из свидетельств воли Гоголя и подвига душевного, — пишет И. Золотусский, — эта остановка в пути. Эта способность внешнего молчания, в то время как публика готова глотать все, что ты ей ни кинешь, когда спрос на тебя велик и, стало быть, оплатится он щедро»⁴⁷.

Во втором томе откупщик Муразов говорит про себя: «Презагадочный для меня человек Павел Иванович Чичиков. Ведь если бы с этакой волей и настойчивостью, да на доброе дело!» Сам Чичиков в своем раскаянии уже готов к новой жизни. «Вся природа его потряслась и размягчилась. ...Казалось, природа его темным чутьем стала слышать, что есть какой-то долг, который нужно исполнять человеку на земле, который можно исполнять всюду, во всяком угле, несмотря на всякие обстоятельства, смятенья и движенья, летающие вокруг человека»⁴⁸. В поэме должно было совершиться духовное возрождение человека, и ее смысл состоит в том, что путь этот открыт всем без исключения людям. В. А. Воропаев высказывает предположение, что и Павлом главный герой назван не случайно. Как известно, апостол Павел также духовно **переродился** из гонителя христианства в его проповедника.

Идеи второго тома «Мертвых душ» перекликаются почти дословно с текстами «Выбранных мест...», создают вместе своеобразную симфонию. Так, в главе 1 второго тома Н. В. Гоголь описывает попытку помещика Тентетникова учить крестьянских детей: «Вздумал он было попробовать какую-то школу между ними завести, но от этого вышла такая чепуха, что он и голову повесил, лучше было и не задумывать! Какая школа! И времени никому не было: мальчик с 10 лет уже был помощником во всех работах и там воспитывался...»⁴⁹

Гоголь занят поисками позитивных начал русской жизни, поэтому второй том носит гораздо более дидактический характер, это, по сути, развернутая проповедь. Начало тома — описание земного рая, где «все возносится»: лес, горы, церковь.

Мы встречаемся с персонажами, идущими по «сияющему», по словам Гоголя, пути. Писатель разворачивает перед нами «философию дела» Костанжогло и Муразова. Человек, согласно этой философии, — творец, созидать — его долг перед Богом. Мирские практики, они одновременно выступают и учителями жизни. Труд у Гоголя имеет теологический смысл. К. Д. Ушинский в своей знаменитой работе «Труд в его психическом и воспитательном значении» говорит о том же: «В поте лица твоего снеси хлеб твой», — сказал Господь человеку, оставляя его за вратами рая и открывая перед ним широкую землю. Труд сделался

⁴⁶ Гоголь Н. В. Собр. соч. : В 4 т. Т. 4. С. 198.

⁴⁷ Золотусский И. П. Указ. соч. С. 362.

⁴⁸ Гоголь Н. В. Собр. соч. : В 4 т. Т. 4. С. 291.

⁴⁹ Там же. С. 214.

довершительным законом человеческой природы, телесной и духовной, и человеческой жизни на земле, отдельной и в обществе, необходимым условием его телесного, нравственного и умственного совершенствования, его человеческого достоинства, его свободы и, наконец, его наслаждений и его счастья»⁵⁰.

Н. В. Гоголь описывает взаимоотношения людей и природы как взаимодействие и взаимопомощь, а труд как путь к воскрешению мертвой души: от лени, сна и расслабленности — к действию. Труд, по Гоголю, и есть движение к внутреннему человеку. Здесь писатель во многом сближается с традицией Симеона Полоцкого, Стефана Яворского.

Мудрый помещик Костанжогло говорит: «Думают, как просветить мужика... да ты сделай его прежде богатым, да хорошим хозяином, а там он сам выучится. Ведь как теперь, в это время, весь свет поглупел, так вы не можете себе представить. Что пишут теперь эти шелкоперы! Пустит какой-нибудь молокосос книжку, и так вот все и бросятся на нее. Вот что стали говорить: «Крестьянин ведет уж очень простую жизнь; нужно познакомить его с предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состояния... Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болезней чорт знает каких понабрались, и уже нет осьмнадцатилетнего мальчишки, который бы не испробовал всего: и зубов у него нет, и плешив, как пузырь, — так хотят теперь и этих заразить. Да, слава Богу, что у нас осталось хотя еще одно здоровое сословие, которое не познакомилось с этими прихотями!»⁵¹

Второй помещик, Платонов, спрашивает, отчего русский человек способен задремать и закиснуть? Чичиков предполагает, что «от недостатка просвещения». «Бог весть отчего, — отвечает ему Платонов. — Ведь вот мы просветились, слушали в университете, а на что годимся? Ну, чему я выучился? Порядку жить не только не выучился, а еще больше выучился искусству побольше издерживать деньги на всякие новые утонченности да больше познакомился с такими предметами, на которые нужны деньги»⁵².

Присутствует здесь и Кошкарев с его социальной утопией: «Парижский костюм имел у него большое значение. Он ручался головой, что если только одеть половину русских мужиков в немецкие штаны — науки возвысятся, торговля подымется, и золотой век настанет в России»⁵³. Здесь на ум приходит Петр I с его реформами.

В первом томе автор показывает, каким воспитанием (обычным провинциальным) сделался Чичиков Чичиковым. В его биографии много говорится об учебе (сначала дома — «вечное сиденье на лавке, с пером в руках, чернилами на пальцах и даже на губах, вечная пропись перед глазами»⁵⁴, потом в городском училище, где «городской учитель был большой любитель тишины и хорошего поведения и терпеть не мог умных и острых мальчиков; ему казалось, что они

⁵⁰ Ушинский К. Д. Собр. соч. : В 6 т. Т. 2. С. 8.

⁵¹ Гоголь Н. В. Собр. соч. : В 4 т. Т. 4. С. 253.

⁵² Там же. С. 264–265.

⁵³ Там же. С. 248.

⁵⁴ Там же. С. 182.

непременно должны над ним смеяться»⁵⁵. Во втором томе, как будто в противоположность первому учителю, перед нами (в первой главе) предстает образ идеального наставника Александра Петровича, который «одарен был чутьем слышать природу человека... Малоспособных он не держал долго; для них у него был коротенький курс. Но способные должны были у него выдерживать двойное ученье. И последний класс, который был у него для одних избранных, вовсе не походил на те, какие бывают в других заведениях. Тут только он требовал от воспитанника всего того, что иные неблагоразумно требуют от детей, — того высшего ума, который умеет не посмеяться, но вынести всякую насмешку, спустить дураку и не раздражиться, и не выйти из себя, не мстить не в каком случае и пребывать в гордом покое невозмущенной души; и все, что способно образовать из человека твердого мужа, тут было употреблено в действие, и он сам делал с ними непрерывные пробы. О, как он знал науку жизни!»⁵⁶

Новая редакция второго тома «Мертвых душ» должна была не только изобразить прекрасное, но и показать пути к нему. К. Н. Мочульский заметил, что его «цель — чисто учительская, или, точнее, методологическая»⁵⁷. Второй том всегда представлялся критикам более слабым произведением, чем первый. Но не надо забывать, что главное и лучшее автор сжег, а оставшееся представляло собой черновики. Зато остались заметки восхищенных слушателей, слушавших в исполнении автора чтение второго тома. С. Т. Аксаков писал: «Такого искусства показать в человеке пошлом высокую сторону нигде нельзя найти, кроме Гомера»⁵⁸.

С трудом связана у Гоголя тема богатства. Его положительные персонажи и праведны, и богаты. Это довольно необычно для христианства — обычно аскетическая проповедь осуждала богатство. Но есть и другая традиция — от Климента Александрийского — которая утверждала, что нельзя поработать душу богатством, но нужно разумно использовать его во благо.

Обратим внимание на самые последние достижения в области исследования духовного просвещения у Гоголя. Н. Н. Скатов (член-корр. РАН, доктор филологических наук) в сообщении «Русское слово» в диалоге цивилизаций» на последних, IX Международных Лихачевских чтениях в Санкт-Петербурге говорил о том, что коренная идея и Белинского, и Гоголя — идея пересоздания, переустройства жизни, хотя понимали они ее по-разному. Гоголь дерзнул «на преобразование жизни целой страны. ...И в «Мертвых душах», и в «Ревизоре» он, прежде всего, хотел обрести точку опоры, чтобы перевернуть целый мир, во всяком случае, русский мир, в который он так твердо верил и на который до конца надеялся... Он готов был сам стать примером на пути духовной, нравственной и физической аскезы и пройти его до конца — самого страшного»⁵⁹.

⁵⁵ Гоголь Н. В. Собр. соч. : В 4 т. Т. 4. С 184.

⁵⁶ Там же. С. 207–208.

⁵⁷ Мочульский К. Н. Указ. соч. С. 116–117.

⁵⁸ Цит. по : Мочульский К. Н. Указ. соч. С. 116–117.

⁵⁹ Рабочие материалы IX Международных Лихачевских чтений: На правах рукописи. СПб., 2009. С. 292–296.

Можно согласиться с автором, что главным в великой русской литературе, и, разумеется, в творчестве Гоголя, является проблема онтологической свободы личности, «не зависящей от жестокостей века», и морально-этическая проповедь. Это и является ее вкладом в мировую цивилизацию. Другое дело, что эту проповедь можно вести разными средствами. Николай Васильевич испробовал все средства, доступные ему. Получилось или нет — это уж другой вопрос.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, просвещение, воспитание, религиозно-учительная литература, русское общество середины XIX в., поучения, художественная литература.

N. GOGOL AS AN EDUCATOR

L. N. BELENCHUK

The article discusses Gogol's ideas about education, the didactic significance of the works of the great Russian literary classic. Gogol's articles on education, his letters («Selected Passages from Correspondence with his Friends»), as well as his greatest works (Government Inspector and The Dead Souls), are examined. Special attention is paid to the spiritual side of Gogol's works, to his texts that simultaneously belong to the secular and religious didactic literature.

Keywords: N. V. Gogol, education, training, religious didactic literature, Russian society in mid-nineteenth century, homilies, fiction.